

шведоязычную, так и финскоязычную культуру, обе были объединены идеей о финской нации и ее истории, которая теперь развивалась в рамках самостоятельной государственности и обособленно как от Швеции, так и от России.

Новозавоеванная страна глазами русских

Несмотря на презрение Наполеона, Россия в начале XIX столетия в значительной степени была страной европейской. В Петербурге о парижской моде знали намного лучше, чем в Финляндии, да и жили более роскошно. Более величественные дворцы трудно было найти в Европе, только разве в Париже или в Вене. Многие русские в то время чувствовали себя за границей как дома, хотя клише об очень богатом и в совершенстве владеющем французским языком расточительном русском появляется лишь несколько позже, когда стало возможным путешествовать по железной дороге.

Российская империя была не только многонациональной, но также и подлинно космополитической. Уже со времен Петра Великого в ее армии были широко представлены иностранцы. Помимо являвшихся ее подданными прибалтийских немцев в армии служило множество офицеров — швейцарцев, шотландцев, немцев и англичан, а также итальянцев и голландцев.

Представители голубой крови высшего дворянства, князья были по ту сторону границы обычным явлением, но по эту сторону — довольно большой редкостью. Великосветскому миру придавали дополнительный блеск имевшие западноевропейские корни герцоги, принцы и маркизы, не говоря уже о графах и баронах. В сражении под Руотсинсалми с российской стороны эскадрой командовал принц Нассау-Зиген¹, а легкой гребной эскадрой — итальянец граф Литта. Француз маркиз де Траверсе² был рекомендован Нассау-Зигеном Екатерине II и являлся, между прочим, начальником Роченсальмской крепости, т. е. нынешней Котки. Главнокомандующим российскими войсками был Михаил Барклай-де-Толли, предки которого были шотландцами. В его частях служил, между прочим, маркиз Паулуччи, род которого,

¹ Адмирал Карл Хенрик Николаус Отто Нассау-Зиген (1743–1808).

² Иван Иванович де Траверсе (Жан Батист Прево де Сансак, маркиз де Траверсе) (1754–1831).

по свидетельству Фаддея Булгарина, принадлежал к старейшим и знатнейшим родам Модены. Буксгевден, Сухтелен и многие другие принадлежали к западноевропейскому дворянству и были космополитами по своему духу. Они участвовали в наполеоновских войнах и видели иной мир, а не только Саво и Похьян-маа, куда велением времени забросила их судьба.

Хотя и на западной стороне фронта в густавианскую войну имелись представители высшего света королевства, включая самого короля и его брата герцога Сёдерманландского, это была особая война. В мирное время высшее дворянство Швеции прочно обосновалось к западу от Ботнического залива, а на востоке сливки империи осели в Петербурге и его окрестностях, в непосредственной близости к финнам.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на это, «свободные люди Швеции» испытывали довольно большое предубеждение к представляемой российской армией цивилизации. Кроме высшего офицерства в воинские части восточного соседа с течением времени влились самые разные народы: от татар и башкир до казаков и калмыков. Дух командования этой национальной пестротой в общем существенно не изменился, происходившие с Запада командиры со времен Великого лихолетья не всегда могли быть особенно гуманными. Во время войны Густава III в российской армии имелась башкирская кавалерия, вооруженная луками и стрелами, и когда Булгарин живописует, как донские казаки закалывали на смерть плененных в Саво егерей, он замечает, что это было приуще тогдашним казакам.

Правда, в Финляндии российские и шведские офицеры могли во время войны даже обедать за одним столом, и некоторые из них во время похода посылали друг другу табак. Но это скорее свидетельствует об обычаях времени и некотором кокетстве, чем о том, как финны в действительности относились к появившимся на их родине захватчикам. Полковой проповедник Карл Юхан Хольм свидетельствует, что егеря в Саво унаследовали ненависть к русским «с молоком матери», и описывает общие трапезы врага как неприятное зрелище.

Любопытную точку зрения на эту проблематику предлагает нам современник Фаддей Булгарин, сочинения которого были позже переведены на финский язык. Но сначала следует сказать несколько слов о самом Булгарине.

По происхождению Булгарин был поляком (Tadeusz Bulharyn), современником Пушкина, Рунеберга и Якова Грота. Он был отмен-

ным знатоком петербургских светских кругов и хорошо информированным в иных областях человеком. Враждебность проявлялась в том, что Булгарин принадлежал к тому кругу людей, к которому очень благосклонно относился император, его считали доносчиком на своих свободомыслящих коллег. В России времен Николая I это было верным способом снискать ненависть на свою голову тех, кто, как и Пушкин, тайно разделяли традиции свободы декабристов. Что касается личной биографии Булгарина, то он совершил кульбит — из российского патриота стал поддерживающим Наполеона польским патриотом, а затем снова российским патриотом. То же произошло и с его верой — из католика он стал православным, и злые языки утверждали, что его мать хватил удар от такой измены отечеству.

Булгарин принадлежал к ведущим писателям, представлявшим т. н. «официальный патриотизм»; он трудился в петербургской газете «Северная пчела», в которой обосновывалась исключительность самодержца и также писалось о том, как благополучно осуществлялись русификация и почитание императора в Финляндии. Пушкин увековечил Булгарина убийственной эпиграммой, и имя его могущественного врага стало ругательством — Фиглярин:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

Видок¹, основатель французской тайной полиции — *Surêté* — являлся в то время символом подлеца, обряженного в мантию служителя законности. Поговаривали, что Булгарин был шпионом или, как говорили позднее, — «стукачом». Российская интеллигенция всегда их особенно ненавидела, но этого наши самые рьяные русофилы никогда не понимали.

Когда недоброжелатели в конце XIX столетия нападали на Финляндию, то с сарказмом говорили, что Булгарин точно станет национальным героем Финляндии, если страна когда-нибудь приобретет независимость. В такой степени, видите ли, этот подлец заискивал перед другими подлецами — чухной.

---

¹Франсуа Эжен Видок (1775–1857) — основал в 1810 г. парижскую криминальную полицию («Сюрте» — «Безопасность»).

Как друг Финляндии Булгарин именно благодаря своей «славе» остался в то время вне круга русских друзей Финляндии — круга Якова Грота и Петра Плетнева. В связи с торжествами по случаю двухсотлетия Александровского университета его не пригласили на устраиваемый русскими коллегами обед и не предложили участвовать в юбилейном сборнике, как утверждает Марья Итконен-Кайла. Из переписки Грота и Плетнева явствует, что они опасались Булгарина.

Несмотря на все это, в финских публикациях, касающихся Булгарина, присутствует очень большой интерес. Во всяком случае, он был попидавшим мир человеком, который писал под собственным именем о достойных упоминания личностях, он не привирал. Прежде всего, воспоминания Булгарина о войне в Финляндии показывают его как симпатичного и благородного человека, но то же самое можно сказать в целом и об его описании противника, шведов по другую сторону границы, т. е. финнов. В обоих случаях, правда, присутствуют элементы преувеличения, дает о себе знать то, что он писатель.

Как свидетельствует Булгарин, во время финской войны отношение финнов к русским было прохладным, если не враждебным. «Столетние войны с Россией и варварский обычай ведения войны в прежние времена укоренили в финнах предвзятость к русским. Нас считают дикими людьми, почти людоедами, кровожадными и коварными, никак не хотят верить, что мы европейцы по своей культуре. Все хорошо воспитанные офицеры считаются иностранцами или иноплеменными подданными России...».

В Финляндии жили сурово: «Ни в какой стране не живут так скромно и умеренно, как состоятельные люди живут в Финляндии в это время... Почти все здания из дерева и очень простые... бронзовые украшения мебели из красного дерева, которые тогда были в моде по всей Европе, я видел всего пару раз. Паркет в это время в Финляндии вообще не известны».

Булгарина удивляло также то, что богатые и бедные ели одно и то же: солонину или соленую рыбу, хлеб и квас. Водку пили все, а на побережье еще и кофе. Наиболее зажиточные люди на пирах пили выдержанные испанские и португальские вина. У крестьян Похьянмаа мог иметься клавесин и библиотека, и они жили в чистых двухэтажных домах, что было доказательством значительного благосостояния этого сословия. Как бы то ни было, из описания Булгарина возникает впечатление сурового и просто аскетического образа жизни, в котором нарядность и богатство не существуют или не демонстрируются.

Жители Финляндии с моральной точки зрения были безупречными, но очень своеобразными людьми — замкнутыми и недоброжелательно относящимися ко всему чужому. Культура с трудом проникала в глушь Финляндии. В Каяни, Саво и Карелии люди были «до дикости некультурными, суеверными и мстительными». У финнов имели авторитет только священники, говорившие на их же языке, приобщившееся европейской культуре, самое культурное духовенство в Европе.

Спротивление народа и вспыхнуло, подогреваемое духовенством, став со временем опасным движением, которое напоминало народную войну в Испании против войск Наполеона. Булгарин мог также видеть со стороны финнов исключительную враждебность, но не только ее: *«По правде говоря, мне также следует упомянуть, что женский пол, особенно принадлежащий к среднему классу, в отличие от мужчин не ненавидел нас, и что любовь вообще позволяла тогда в Финляндии много такого, что запрещает строгая мораль. Но следует также сказать, что в обособленной и холодной Финляндии было так мало развлечений и забав и все было так однообразно и скучно, что жизнерадостным красавицам было трудно воспротивиться искушениям любви. Противовесом этой слабости являются, однако, тысячи отменных качеств...»*.

Как известно, русские устраивали танцы в тех городах, которые отступавшая шведская армия оставляла по пути на свою голгофу. Когда пропадало ощущение ужаса, многие девицы начинали проявлять интерес к видным русским, соперники которых теперь были из игры. Булгарин описывает эти отношения в основном как рыцарские, хотя следует напомнить, что литературное творчество диктует особенности стиля и содержания произведения. Описание Сары Ваклин подтверждает, впрочем, мысль, что русские оказались в значительной степени корректными и нередко приятными для финских девушек.

Булгарин также особо вдохновлен очарованием финских женщин. Он, однако, замечает, что «все финляндские красавицы — шведки или из смешанных шведских семей. Финское племя не красиво. Об исключениях я здесь не говорю».

В усадьбе священника в Рауталампи Булгарин встретил также сверстника А.И. Арвидссона, с которым разговорился. Арвидссон восхвалял шведов, с чем Булгарин соглашался, но предложил решить борьбой, какая нация одержит победу. Арвидссон проиграл, и предчувствие поражения Швеции довело его до слез. Позже, однако, как мы знаем, Арвидссон принадлежал к тем, которые

рано стали стремиться к тому, чтобы пробудить в Финляндии собственное, отличное от Швеции национальное самосознание. Из-за своей деятельности он вынужден был уехать в Швецию, где Булгарин встретил его еще раз, и они горячо вспоминали о встрече в Рауталампи, как он пишет в своих воспоминаниях.

Булгарин принадлежал к кругу тех, по мнению которых, у Финляндии, нового владения империи, имелись великолепные перспективы, находясь под милостивым попечением самодержца. Нанесший быстрый визит в Финляндию в 1809 г. князь Павел Гагарин полагал, что ничто не объединяет финнов со Швецией и что сам их характер указывает на наличие известной симпатии к русским. Финны проявляли гостеприимство, любовь к ближнему и, по удивительной оценке Гагарина, даже откровенность в отношениях с теми, кого они считали своими друзьями. К врагам они выражали только ненависть, не давая прощения с легкостью.

Изменение многих клише при описании качеств финнов заметно уже у Булгарина, но они оставались в ходу и позже.

В 1829 г. Валентин Шемиот писал об исключительном хладнокровии финнов, их порядочности и патриотизме. Они были также весьма сообразительными и легко осваивали новое. Правда, склонность к пьянству оставляла добрые наклонности в тени. Как Булгарин, так и Шемиот оценивали финляндское дворянство как бедное. Низшее сословие было довольно образованным. Немного позже ставшие классическими описания финнов в книге Топелиуса *Maamme* вполне согласуются с описаниями русских, и даже русские стали их использовать.

Как показал в своем классическом сочинении Валентин Кипарский, в начале XIX столетия Финляндия была для просвещенных русских очень экзотической страной, в которой в духе времени находили оссианскую идиллию и суровую красоту. В этом преуспели, но на фоне бурной светской жизни Петербурга Финляндия с ее незначительными городами и бедным дворянством была лишь неинтересным уголком страны. Встречи с представителями высших слоев в целом, правда, свидетельствуют о доброжелательстве, даже в условиях войны. Предубеждения в отношении русских во время войны носили отрицательный характер во всех национальных слоях. Честный и законопослушный простой народ был довольно просвещенным, хотя угрюмым и мстительным. В народе видели определенную перспективу: умелая политика могла еще сделать их хорошими русскими.